

ПРОЛЕТАРИИ
ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ
КПСС**

ОРГАН
ИНСТИТУТА
МАРКСИЗМА-
ЛЕНИНИЗМА
при ЦК КПСС

Журнал издается
с июля 1957 г.
Выходит ежемесячно

Государств. Публичная
научно-исследовательская
библиотека РСФСР

101992

9

1989

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

**ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПАРТИИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

В. И. ЖУКОВ — Развитие КПСС на этапе социалистического обновления 3

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

Социально-политические проблемы межнациональных отношений в СССР: теория и практика . . . 18

**ИСТОРИЯ КПСС В СИСТЕМЕ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК**

Актуальное интервью

«У нас немало общих проблем» (Беседа с заместителем директора Института социологии АН СССР докт. философ. наук А. В. ДМИТРИЕВЫМ) 43

ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА КПСС

С. К. МОРОЗОВ — Некоторые вопросы партийного руководства Советами в 1918—1920 гг. 49

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

Т. Г. КОЛОСКОВА — Об идейно-психологических предпосылках сталинизма 62

У ИСТОКОВ СОВЕТСКОГО МАРКСОВЕДЕНИЯ

В. А. СМИРНОВА — Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д. Б. Рязанов 71

ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

И. П. КОЖУКАЛО, Ю. И. ШАПОВАЛ (Киев) — Н. С. Хрущев на Украине 85

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И. М. КРИВОГУЗ — II Интернационал в советской исторической литературе 99

КОНСУЛЬТАЦИИ И СОВЕТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

А. В. РЯБОВ — Деятельность КПСС по реализации решений XXVII съезда (Внутриполитические аспекты) 113

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

А. А. ГРЕЧУХИН — Компартии США 70 лет 130

В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УЧЕБЫ

А. П. ГРЕК, С. В. ТИМОФЕЕВ — Перестройка требует инициативы и творчества (По материалам

ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА Д. Б. РЯЗАНОВ*

В. А. СМИРНОВА,
кандидат исторических наук

Мы заново читаем страницы нашей истории, и справедливо будет вспомнить имя Д. Б. Рязанова. В книге «Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР», изданной ИМЛ в 1969 г., была сделана попытка показать его роль в основании Института К. Маркса и Ф. Энгельса и развитии марксологии. Однако уже в 1971 г. в брошюре, посвященной истории ИМЛ при ЦК КПСС¹, имя Рязанова даже не было упомянуто.

Рязанов принадлежал поколению русских подвижников-интеллигентов, посвятивших всю жизнь делу освобождения пролетариата. Начав с народнической пропаганды, он стал марксистом уже после своей первой заграничной поездки в 1889—1890 гг. С тех пор вся его политическая деятельность протекала в рамках российской социал-демократии. Он никогда не был меньшевиком, но и его отношения с большевиками складывались трудно. Ленин называл Рязанова нефракционным литератором, социал-демократом². Ярко выраженной чертой политической позиции Рязанова была непримиримость к оппортунизму. Она четко видна в его выступлениях в «Искре» и «Заре», в программе группы «Борьба» и т. д. Принципиальная борьба Рязанова с лидерами германской социал-демократии, отстаивание подлинных взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса сближали его с политической позицией большевиков.

Д. Б. Рязанов не принадлежал к числу ближайших соратников, учеников и сподвижников Ленина. Впервые он услышал это имя в конце 1895-го или начале 1896 г., перестукиваясь или переговариваясь через вентиляционную трубу тюремных мастерских с другими политическими заключенными. Именно тогда он узнал о стачке ткачей на фабрике Торнтон и о том, что ею руководит «помощник присяжного поверенного Ульянов, брат повешенного Ульянова»³. Личное знакомство Рязанова с Лениным произошло за границей в 1900 г.

Рязанов был яркой и сложной личностью. Неукротимый, «вулканический» темперамент борца, пропагандиста, яростного спорщика, весельчака и заводилы сочетался в нем с педантизмом ученого-книжника. Но страстность политика иногда оборачивалась нетерпимостью в научной полемике (впрочем, это был обычный стиль дискуссий того времени), а педантизм и ортодоксальность ученого приводили его в политике к известному догматизму и даже сектантству. Он не признавал компромиссов, именно поэтому, например, временно выходил из партии после Брестского мира. Однако при всех ошибках Рязанов до конца был предан делу революции, социализма.

* Гонорар за статью по просьбе автора переводится на счет № 700454 Жилсоцбанка СССР для сооружения Мемориала жертвам сталинских репрессий.

¹ Идеальный арсенал коммунистов. Под редакцией Г. Д. Обичкина. М., 1971.

² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 201.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 78, л. 41.

Ленинские оценки Рязанова зачастую носят резкий характер. После осуждения и гибели Рязанова и до последнего времени высказывания В. И. Ленина служат для многих основой для отрицательного отношения к Рязанову. Но при этом упускаются из виду два обстоятельства. Во-первых, эти оценки были даны в обстановке острых политических коллизий, более того, многие из них содержатся в письмах и с самого начала не предназначались для широкой общественности. Во-вторых, в письмах и выступлениях Ленина можно найти немало и положительных характеристик Рязанова. Владимир Ильич ценил его широкий кругозор, образованность, прекрасное знание литературного наследия основоположников научного социализма. В эмиграции, особенно в годы войны, пути Ленина и Рязанова часто пересекались: они обменивались письмами или просто работали бок о бок (как это было в 1916 г. в цюрихской библиотеке), и Ленин часто обращался за справками по специальным вопросам к Рязанову⁴.

Мы не ставим перед собой задачу осветить политическую деятельность Рязанова⁵. Цель статьи — показать его как ученого, одного из основателей и первого директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса (далее — ИМЭ), его роль в развитии марксологии и отчасти в разработке общих принципов организации научных исследований.

* * *

Еще до революции 1905 г. Рязанов заслужил у русских и у немецких социал-демократов репутацию знатока учения Маркса и Энгельса, а после революции 1905—1907 гг., когда он был выслан из России, изучение литературного и эпистолярного наследия Маркса и Энгельса стало главной областью его научных интересов.

Основная часть этого наследия находилась в те годы в архиве германской социал-демократии⁶. Какая-то часть его оставалась еще в семье Лафаргов; многие письма были возвращены Энгельсом адресатам, часть русских книг из своей библиотеки и библиотеки Маркса он передал П. Лаврову.

По рекомендации А. Бебеля, который, возможно, запомнил далеко не ординарную фигуру Рязанова еще со времени I конгресса II Интер-

⁴ Там же, л. 4.

⁵ Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (10.3.1870—21.1.1938) — революционную работу вел с 1887 г. в Одессе, Петербурге. В общей сложности провел в тюрьме почти 6 лет, 3 года — в ссылке, 14 лет — в эмиграции. Сотрудничал с 1901 г. в «Искре» и «Заре», принимал участие в полемике по программным вопросам. Значительную роль сыграл в организации профессиональных союзов в России, особенно в 1905—1907 гг. и после Февральской революции. В период первой русской революции работал в с.-д. фракции Государственной думы. В 1909 г. был лектором в пропагандистской школе группы «Вперед» на Капри, но вскоре отказался от преподавания ввиду того, что школа была фракционной. В 1911 г. — лектор партийной школы в Лонжюмо. С самого начала первой мировой войны Рязанов занял антиоборонческую позицию; участвовал в Циммервальдской конференции как представитель ЦК партии. По возвращении из эмиграции в Россию (апрель 1917 г.) примкнул к «межрайонцам», вместе с которыми был принят в РСДРП(б) на VI съезде. После Октябрьской революции был назначен первым комиссаром путей сообщения. Выступал в роли посредника на переговорах между Советским правительством и Викжелем. Избирался делегатом Учредительного собрания от Одессы. Весной 1918 г. назначен председателем Центрархива. В течение некоторого времени заведовал Главнаукой и состоял членом коллегии Наркомпроса. В 1918 г. принимал участие в организации Социалистической академии. В 1921—1931 гг. — директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Д. Б. Рязанов был членом ВЦИК, депутатом Московского Совета. Делегат VII—XVI съездов партии.

⁶ В силу существующих в Англии законов о наследовании Энгельс мог завещать свой архив только частному лицу, поэтому официальными наследниками его рукописного наследия и библиотеки, а также авторских прав им были выбраны А. Бебель, Э. Бернштейн и П. Зингер (см. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 430).

национала⁷, перед ним открылись двери архива германской социал-демократии. Он увидел картину бездумного разбазаривания его самой ценной части — документов Маркса и Энгельса. Э. Бернштейн (вплоть до середины 20-х годов XX в.) продолжал держать часть рукописей у себя дома. Документы, выдаваемые для подготовки того или иного издания, вовремя не возвращались в архив, оседаая в личных библиотеках, в частности Ф. Меринга и К. Каутского.

Рязанов стал распутывать нити тех сложных дорог, по которым растекались (и могли погибнуть!) рукописи Маркса и Энгельса. Летом 1910 г. он получил приглашение Лафаргов приехать в Дравейль (под Парижем) и поработать над той частью архива Маркса, которая хранилась у них дома. В 1912 г., уже после смерти дочери и зятя Маркса, Рязанов отбирал из их наследства документы, которые подлежали передаче в архив германской социал-демократии. В 1913—1914 гг. он получил наконец возможность ознакомиться у Бернштейна с частью оригиналов писем Маркса и Энгельса, относящихся к периоду их деятельности в Международном Товариществе Рабочих.

Именно Рязанову правление Германской социал-демократической рабочей партии поручило подготовить и издать работы Маркса и Энгельса 50-х — начала 60-х годов XIX в.⁸, а в 1909 г. он получил предложение библиотеки А. Менгера⁹ собрать и подготовить к печати документы по истории I Интернационала¹⁰. Средства, выделенные менгеровским комитетом, позволили Рязанову развернуть широкий фронт изыскательских работ по истории рабочего движения в библиотеках Англии, Франции, Германии, Италии, Швейцарии.

Первые итоги этих исследований Рязанов смог подвести уже тогда, печатая тексты трудов основоположников научного социализма и свои комментарии в теоретическом органе германских социал-демократов — журнале «Die Neue Zeit» и в аналогичном издании австрийских социал-демократов — «Der Kampf», а также в «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», издававшемся немецким прогрессивным ученым К. Грюнбергом. Как только появилась возможность, Рязанов стал печатать свои работы и воспроизводить прежние публикации в теоретическом органе большевиков — журнале «Просвещение», а также прогрессивном журнале «Современный мир».

Наиболее фундаментальной публикацией, выпущенной в свет Рязановым до октября 1917 г., явились два тома «Gesammelte Schriften», в которые вошли статьи Маркса и Энгельса за 1852—1856 гг.¹¹ Изучение газет «The People's Paper», «New-York Tribune», «Neue Oder-Zeitung», в которых сотрудничали Маркс и Энгельс, привело его к открытию 250 ранее неизвестных статей и корреспонденций. Предисловие к этой публикации и обстоятельный комментарий Рязанова открыли новую страницу в биографии Маркса и Энгельса.

В те же годы ему удалось собрать ряд печатных и рукописных материалов, относящихся к основанию Интернационала, протоколы его

⁷ Точную дату их знакомства установить не удалось. Широкие связи Рязанова с лидерами немецкой и австрийской социал-демократии К. Каутским, Э. Бернштейном, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, Л. Тышкой, В. Адлером и др. имели большое значение для русской социал-демократии. Они в известной мере облегчили ей доступ на страницы теоретических органов этих партий «Die Neue Zeit», «Der Kampf», а во время войны эти связи использовались для помощи товарищам, оказавшимся в трудном положении (например, они помогли в освобождении из стокгольмской тюрьмы Г. Л. Пятакова и Н. И. Бухарина).

⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 159, л. 5.

⁹ Библиотека социалистической литературы, собиравшаяся с 70-х годов австрийским юристом Антоном Менгером и перешедшая после его смерти (1906 г.) в собственность Венского университета.

¹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 159, л. 3—4.

¹¹ Gesammelte Schriften von Karl Marx und Friedrich Engels 1852 bis 1862. Herausgegeben von N. Rjasanoff. Bd. I—II. Stuttgart, 1917.

Генерального совета, Лондонской конференции 1865 г., Женевского и Лозаннского конгрессов и некоторые другие документы. Был подготовлен к печати первый том документов Международного Товарищества, который был доведен до стадии корректуры к лету 1914 г.

Таким образом, русская социал-демократия перед Октябрем в лице Рязанова имела признанного знатока литературного и эпистолярного наследия Маркса и Энгельса, известного публикатора их документов в России и за границей. Его исследования получили международное признание. По существу, Рязанов заложил важные научно-организационные предпосылки для формирования специального археографического марксоведческого центра. Однако путь к его созданию оказался долгим.

* * *

Несмотря на активную политическую деятельность в годы гражданской войны, главным для Рязанова становятся проблемы организации науки. Его первой заботой стало спасение архивов¹². 1 июня 1918 г. В. И. Ленин подписал декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике»¹³. На посту заведующего ГУАД Рязанов добивался создания единого государственного архивного фонда, его сбережения как национального достояния¹⁴. 25 июня 1918 г. Рязанов назначается членом коллегии Наркомпроса¹⁵, в котором он возглавил еще и Главнауку, а в следующем году становится членом Государственного ученого совета¹⁶.

В апреле-мае 1918 г. были разработаны планы организации Социалистической академии — высшего научно-исследовательского центра марксистской мысли в стране. Академия собрала лучших представителей ученых-марксистов. Наряду с М. Н. Покровским, И. И. Скворцовым-Степановым, А. В. Луначарским, Н. К. Крупской, М. А. Рейснером, Н. М. Лукиным и другими Д. Б. Рязанов сыграл значительную роль в определении задач и структуры академии.

В рамках Социалистической академии Рязанов создал кабинет теории, истории и практики марксизма. Он размещался в пяти небольших комнатах особняка, расположенного на углу Воздвиженки и Шереметьевского переулка¹⁷. Так было заложено ядро будущего Института Маркса и Энгельса.

8 декабря 1920 г. Пленум ЦК РКП(б) принял решение об организации музея по марксизму, преобразованного в начале 1921 г. по предложению Д. Рязанова в научно-исследовательский Институт Маркса и Энгельса. Институт существовал сначала как автономное учреждение при академии¹⁸. И только в июле 1922 г. он стал самостоятельным научным учреждением¹⁹. Его первым директором стал Д. Б. Рязанов.

Работа Института заметно оживила и подняла на более высокий уровень издания произведений Маркса и Энгельса. Началась подготов-

¹² См. Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу за время 15.VI.1918—15.VI.1920 г. М., 1921, с. 5; Покровский М. Культурное и политическое значение архивов.— Архивное дело, 1927, вып. 10, с. 3, 10; Он же. Д. Б. Рязанов в советском строительстве.— Правда, 11 марта 1930 г.

¹³ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959, с. 383—385.

¹⁴ На посту заведующего Главным управлением архивным делом при Наркомпросе РСФСР Рязанов оставался до декабря 1920 г. (см. Максиков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917—1945 гг.). М., 1969, с. 54); Летописи марксизма, 1928, № 7—8, с. 142.

¹⁵ См. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. М., 1974, с. 566—567.

¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 157, л. 7, 8.

¹⁷ См. Рязанов Д. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М., 1924, с. 3.

¹⁸ Известия ЦК РКП(б), 1921, № 27, с. 16.

¹⁹ Летописи марксизма, 1928, № 5, с. 3.

ка их Собрания сочинений. В 1923—1924 гг. вышли I, II, X и XI тома. В эти же годы стали появляться, главным образом в журнале «Под знаменем марксизма», переводы работ Маркса и Энгельса, ранее неизвестных русскому читателю. В общей сложности Рязанов опубликовал за два года свыше десяти печатных листов таких статей и писем Маркса и Энгельса.

Однако сколь ни полезна была на первых порах деятельность Института по публикации работ Маркса и Энгельса, более важным было то, что его директор получил возможность на практике осуществить свои представления об организации научных исследований в области общественных наук. Основным звеном становился научно-исследовательский институт, имевший специализированную библиотеку и архив. Рязанов считал, что академия гуманитарных наук должна быть прежде всего библиотекой, как академия естественных наук — прежде всего лабораторией²⁰. Рязанов начал комплектовать библиотеку по истории марксизма с момента создания Социалистической академии из фондов национализированных библиотек и при первой же возможности стал приобретать библиотечные коллекции за границей. По Москве в те годы ходила легенда о том, что первое книжное собрание Рязанов привез на английском эсминце. «Во всяком случае,— писал М. Покровский,— это было раньше, чем у нас наладилось с заграницей правильное пароходное и железнодорожное сообщение»²¹.

Первые же шаги Института в этом направлении получили полную поддержку со стороны партии и правительства. Рязанов докладывал Ленину об этой работе, и все его просьбы о дополнительных ассигнованиях удовлетворялись. Ленин внимательно следил за ходом поисковой работы и давал конкретные задания²². Собираемые материалы о жизни и деятельности Маркса и Энгельса, истории создания и развития их учения стало государственной программой, а ИМЭ — единственным в Союзе хранилищем оригинальных документов Маркса и Энгельса²³. О работе Института Рязанов отчитывался перед съездами и пленумами РКП(б), съездами Советов и V конгрессом Коминтерна. Работа Института шла в обстановке широкой гласности. К XIII съезду РКП(б) Рязанов написал брошюру о деятельности и планах Института, которая раздавалась делегатам съезда²⁴, а в 1925 г. подобная брошюра была написана для делегатов III съезда Советов СССР²⁵. Рязанов выступал с информацией об Институте также перед научной общественностью, рабочими, в печати.

В 1920 г. Рязанов приобрел в Вене библиотеку по истории социализма и рабочего движения, содержащую около 20 тыс. книг, у венских коллекционеров Т. Маутнера и В. Паппенгейма, а также библиотеку К. Грюнберга (примерно 10 тыс. книг по политической экономии, социализму, рабочая пресса разных стран). В следующем году была куплена библиотека профессора Виндельбанда, составленная главным образом из работ по немецкой классической философии; в 1923 г. — собрание русских революционных газет и журналов 70—80-х годов XIX в. народника С. Клячко. В 1925 г. Институт приобрел библиотеку английского историка Дж. Маккея (коллекция рукописей и книг

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 83, л. 59—64.

²¹ Правда, 11 марта 1930 г.

²² См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 211, 369; т. 54, с. 9; Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. М., 1980, с. 391—392, 605—606; т. 12. М., 1982, с. 44.

²³ См. Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса, с. 134.

²⁴ См. Рязанов Д. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. М., 1924.

²⁵ См. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР. Отчет за 1924—1925 гг. М.—Л., 1925.

М. Штирнера и работ о нем) и много других известных собраний²⁶. Из отечественных коллекций наиболее ценным приобретением была библиотека русского демократа В. И. Танеева по истории социализма, полученная из фондов Народного комиссариата просвещения. К 1930 г. библиотечные фонды Института насчитывали более 450 тыс. названий, включая уникальный фонд рабочей и демократической печати, в которой сотрудничали Маркс и Энгельс.

Большое внимание Рязанов уделял также приобретению архивных документов. Уже в 1920 г. он вел в Берлине переговоры с руководством германской социал-демократии. В ноябре 1924 г. ему удалось добиться разрешения на фотокопирование всех рукописей и писем Маркса и Энгельса и права на их публикацию. Он поставил перед руководством архива германской социал-демократии задачу приведения в порядок и описания фонда рукописей Маркса и Энгельса, а также материалов деятелей рабочего движения, их современников. Благодаря усилиям Рязанова в этот архив, наконец, вернулись документы, находившиеся у Э. Бернштейна, Г. Майера, Ф. Адлера и др. Целую корзину переписки Маркса и Энгельса с деятелями германского рабочего движения вынужден был вернуть бывший социал-демократ Э. Дран, уже начавший продавать письма Маркса через немецких антикваров²⁷. ИМЭ организовал во Франкфурте-на-Майне лабораторию (при Институте социальных исследований), где в 1924—1927 гг. были сняты фотокопии со всех материалов архива Маркса и Энгельса. Значение этой работы смогло оценить лишь следующее поколение: известна драматическая судьба архива германской социал-демократии после прихода Гитлера к власти. Некоторые рукописи Маркса и Энгельса утрачены и сохранились лишь в фотокопиях 20-х годов.

Одновременно Рязанов организовал поиск в других государственных и частных архивах. Были получены в фотокопиях или куплены оригиналы документов из исторического архива Кёльна, Иенского университета, архива Ж. Лонге, документы архива Г. Шлютера и Ф. А. Зорге, письма А. Бебеля, Ф. Меринга, Г. Гервега, Р. Даниэльса, К. Зибеля и др. Из Британского музея возвратилась переписка Маркса и Н. Ф. Даниельсона, сданная последним на хранение в музей в 1911 г.

К 1931 г. в Институте хранилось уже более 15 тыс. документов в подлинниках и 175 тыс. — в фотокопиях²⁸. Успех этой поисковой работы обеспечивался высоким профессионализмом ее организатора, знавшего, что и где искать, и продуманной организацией. Институт имел в Европе и США сеть научных корреспондентов, получавших от Рязанова конкретные задания. Его авторитет ученого открывал ему двери даже государственных хранилищ. Так, в 1927 г. он получил у генерал-директора прусских архивов историка П. Кера разрешение на фотокопирование и публикацию полицейских донесений и прочих материалов о деятелях рабочего движения²⁹.

К середине 20-х годов определилась организационная структура Института. Его ядром стал кабинет К. Маркса и Ф. Энгельса, в котором собирались их произведения, материалы к биографиям и литература, посвященная их учению. Перед кабинетами философии, политической экономии, права и истории политических учений, социологии и истории социализма и анархизма ставилась задача изучения теоретических источников марксизма. Исследованием исторических корней учения Маркса и Энгельса и его связи с рабочим движением занимались кабинеты истории рабочего движения в Германии, Франции, Англии и англосаксонских странах, кабинеты по истории I и II Интерна-

²⁶ См. подробнее: Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса, с. 135—144.

²⁷ См. там же, с. 137—139.

²⁸ См. там же, с. 144.

²⁹ См. Летописи марксизма, 1928, № 5, с. 16.

ционалов, по вопросам войны и внешней политики, истории марксизма в России и славянских странах (так называемый кабинет Плеханова)³⁰. Каждый кабинет комплектовал литературу и другие материалы по своей тематике.

В Институте и вокруг него консолидировались крупные научные силы. В той или иной степени и в разное время в его работе принимали участие Е. Косминский, И. Луппол, А. Деборин, И. Рубин, Ц. Фридлянд, В. Волгин, Ф. Потемкин, Е. Преображенский, М. Косвен, Ю. Стеклов, А. Удальцов, А. Воден, Ф. Ротштейн, Я. Стэн, Н. Карев, Г. Баммель, Ф. Шиллер, О. Руммер и др.; коминтерновцы Э. Цобель, Г. Бакалов, Р. Фокс, Г. Лукач, Г. Штерн и др. В изданиях Института публиковались крупные иностранные ученые К. Грюнберг, Р. Потсгейт, М. Домманже, А. Матьез. В состав совета Института входили Бела Кун, Н. Бухарин, А. Енукидзе, В. Молотов, С. Сырцов, А. Тальгеймер, Клара Цеткин³¹.

Созданная в Институте документальная база, собранное впервые в мире в таком полном объеме эпистолярное и литературное наследие Маркса и Энгельса позволили впервые поставить вопрос о полном научном издании Сочинений основоположников марксизма.

Несмотря на требования немедленного издания «всего Маркса», Рязанов убеждал научную и партийную общественность в сложности научной подготовки к печати работ основоположников марксизма. Он говорил делегатам XIII съезда партии, что еще «долго придется ждать, пока найдутся люди и средства», чтобы «мы могли издать настоящее полное собрание Сочинений Маркса и Энгельса и на русском языке, и на иностранных языках в пользу и поучение международному пролетариату»³². По докладу Рязанова XIII съезд РКП(б), а затем и V конгресс Коминтерна в 1924 г. приняли специальные решения об издании на русском и на языках оригинала Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса³³.

Основная подготовительная работа была развернута в архиве Института, где сама организация материала подчинялась задаче издания Сочинений. Письма Марксу и Энгельсу были выделены в особую коллекцию; в специальный раздел вошли выписки, записные книжки. В архиве с середины 20-х годов шла расшифровка рукописей, составление картотек, указателей к ним³⁴. В ходе этой работы сложился интернациональный коллектив специалистов-марксоведов, в который входили А. Арсеньева, П. Веллер, И. Кун, Н. Непомнящая, Р. Богдань, К. Шмюкле, Вильдхабер и др.³⁵. Первые тома русского издания стали выходить с 1928 г., а первые тома МЭГА — с 1927 г. До 1931 г. увидели свет 10 томов русского издания и 5 томов МЭГА.

Однако Рязанов не ограничивал публикаторскую деятельность Института только изданием сочинений Маркса и Энгельса. В соответствии со структурой Института издавались и серии, рассчитанные на ученых,

³⁰ См. Бюллетень Института К. Маркса и Ф. Энгельса при ЦИК СССР, 1926, № 1, с. 19.

³¹ Там же.

³² Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенограф. отчет. М., 1963, с. 535.

³³ См. там же, с. 677; Пятый Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала 17 июня — 8 июля 1924 года. Стенограф. отчет. Ч. 1. М.—Л., 1925, с. 911—918. Это издание получило название «Marx-Engels Gesamtausgabe» (сокращенно МЭГА). Под этим же названием в настоящее время на паритетных началах ИМЛ при ЦК КПСС (Москва) и ИМЛ при ЦК СЕПГ (Берлин) работают над аналогичным изданием МЭГА, продолжающим и развивающим традиции рязановского издания. В отличие от рязановского МЭГА¹ в литературе обозначается как МЭГА².

³⁴ Работа архива отражалась в «Бюллетенях Архива Института Маркса и Энгельса». С октября 1928 г. до 1931 г. вышло 13 номеров.

³⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 374, оп. 1, д. 20, л. 186, 188; см. также Литературное наследство, с. 145.

исследователей — «Библиотека материализма», «Классики политической экономии» (разрабатывались планы издания полного собрания сочинений Д. Риккардо, произведения А. Смита «Богатство народов»), предполагалось опубликовать работы Н. Макнавелли, Ж.-Ж. Руссо, Ж.-П. Марата, А. Клоотса и т. д. В серии «Библиотека научного социализма» вышло 25-томное собрание сочинений Г. В. Плеханова. В серии «Памятники истории классовой борьбы пролетариата» предполагалось издать 40—50 томов³⁶. Институт выпускал также предназначенную для массового читателя серию «Библиотека марксиста».

Размах исследовательской работы Института потребовал и создания собственных печатных органов. С 1924 г. стал выходить на русском и немецком языках «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», задачи которого заключались в освещении вопросов генезиса, развития и распространения научного социализма, истории теории и практики революционного марксизма. С 1926 г. для более оперативной помощи специалистам и учебным заведениям Институт выпускал «Летописи марксизма (Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)». В них, помимо авторских статей и первых публикаций небольших работ Маркса и Энгельса, был прекрасно поставлен отдел рецензий и библиографии: печатались тематические обзоры журнальных публикаций, сообщения об исследованиях отдельных кабинетов Института и их коллекциях. К 1930 г. Институтом в общей сложности было выпущено 150 томов; почти все они вышли под редакцией Рязанова.

Благодаря широкой публикаторской и пропагандистской работе ИМЭ марксведение завоевало в общественном сознании признание как новая научная дисциплина, специальный раздел гуманитарного знания, задачами которого были выяснение генезиса, развития и сущности марксизма, изучение истории распространения марксистских идей в рабочем и демократическом движении, создание научных биографий Маркса и Энгельса.

Рязанов отстаивал авангардную роль общественных наук в построении социализма. Философии марксизма, его диалектическому методу он придавал решающее значение, считая марксистскую философию «необходимым предметом преподавания»³⁷. Публикация Институтом в 20-х годах «Диалектики природы» Энгельса, набросков письма Маркса В. Засулич, других работ явилась для того времени значительным этапом в развитии теоретической мысли. На основе этих и других работ Маркса и Энгельса во второй половине 20-х годов прошли философская дискуссия между «диалектиками» и «механистами», дискуссия экономистов, затрагивающая важнейшие методологические вопросы политической экономии Маркса, дискуссия об общественно-экономических формациях (проблема азиатского способа производства) и др. Не вина участников этих споров, для большинства которых они окончились трагически, что их результатом стало не творческое развитие, а догматизация науки.

Рязанов бескомпромиссно боролся за строгое соблюдение принципа историзма в подходе к литературному наследству Маркса и Энгельса как источнику для изучения поставленных проблем, в оценке той или иной их позиции, того или иного суждения. «...По отношению к творцам материалистического понимания истории,— писал он,— необходимо отличать между действительным движением, как оно фактически происходило, и между идейными формами, в которых оно отражалось в их сознании, спустя 30 или 20 лет»³⁸.

Исследователь широкого кругозора, Рязанов был последовательным врагом верхоглядства, вульгаризации марксистских идей и использова-

³⁶ Летопись марксизма, 1927, № 4, с. 143—144, 149.

³⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 76, л. 82.

³⁸ Рязанов Д. Очерки по истории марксизма. М., 1923, с. 23.

ния цитатного арсенала в полемике, когда не обращают «ни малейшего внимания на «обстоятельства времени и места», в которых данное мнение было высказано»³⁹. Он подчеркивал принципиальную разницу в подходе к таким источникам, как частная переписка и официальные документы: «Чтобы судить о действительных взглядах Маркса и Энгельса, поскольку они являются политическими актами... необходимо обращаться к их публичным заявлениям или письмам, которые они писали с целью оказать определенное политическое воздействие на других»⁴⁰.

Прекрасный знаток всеобщей и отечественной истории, Рязанов выступал против недооценки исторического знания. На пленуме Коммунистической академии 20 марта 1928 г. он говорил о необходимости преодолеть пренебрежительное отношение к истории: «...Маркс сводит всю науку к истории... сущность диалектического материализма именно в том, чтобы рассматривать исторически все»⁴¹.

Первостепенное значение в любом исследовании Рязанов придавал документу, требуя точного воспроизведения оригинала и профессионального уровня комментария. Он считал, что ни один документ, ни одна строчка из наследия Маркса и Энгельса не должны пропасть: все они важны для изучения формирования мировоззрения основоположников марксизма, воссоздания их биографии. Подлинный документ — это главная предпосылка успеха в идейной борьбе с противниками марксизма. От сотрудников и коллег Рязанов требовал овладевать тем, что он называл научно-исследовательской культурой. «Если вы хотите быть научными исследователями, — подчеркивал он, — вы должны всю эту буржуазную культуру научную, которая развивалась в течение XIX и начала XX веков, всю исследовательскую историческую работу и всякую другую так усвоить, так претворить, чтобы буржуазные ученые могли бы сказать, получив вашу работу: «правда, большевик, хотя и коммунист»⁴², но нашу кухню всю знает в совершенстве».

Рязанов решительно отстаивал право на свободную дискуссию в науке. Он был резок в полемике. Пользуюсь привилегией всех ругать, говорил он, потому что не возражаю, чтобы меня ругали, «раз мне дают возможность ответить»⁴³.

Важным импульсом к развитию марксоведения в Советском Союзе стали труды Рязанова, вышедшие в свет в 1923 г. в связи с 50-летием со дня смерти Маркса: отдельной книгой были изданы его лекции, прочитанные на курсах в Социалистической академии⁴⁴, а также книга «Очерки по истории марксизма», в которой были собраны его прежние работы.

Рязанов внес большой вклад в изучение проблемы «Маркс, Энгельс и рабочее движение». Он развивал мысль Энгельса и Ленина о том, что Маркс и Энгельс были не кабинетными учеными, а активными участниками и руководителями рабочего движения. «Смешно делать из Маркса кабинетного мыслителя, или ученого анахорета, — писал он. — Вся жизнь его была целиком посвящена делу революции, он знал одной лишь думы власть — мысль об освобождении пролетариата от ига капиталистического рабства»⁴⁵. Вкладом в разработку этой темы стало научное издание «Манифеста Коммунистической партии»⁴⁶. Помимо текста са-

³⁹ Рязанов Д. Очерки по истории марксизма. М., 1923, с. 295.

⁴⁰ Там же, с. 300.

⁴¹ ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 83, л. 65.

⁴² Так в стенограмме (ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 83, л. 63—64).

⁴³ Там же, л. 66.

⁴⁴ См. Рязанов Д. Маркс и Энгельс. М., 1923.

⁴⁵ Под знаменем марксизма, 1922, № 3, с. 26; см. также Рязанов Д. К. Маркс и Ф. Энгельс. М.—Л., 1928, с. 83.

⁴⁶ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Коммунистический манифест. Под ред. и с примеч. Д. Рязанова. М., 1922.

мого Манифеста, в основу которого был положен сверенный с оригиналом плехановский перевод, Рязанов включил в него много документов, часть из которых впервые увидела свет на русском языке. Это издание положило начало разработке в СССР истории Союза коммунистов и роли в его деятельности Маркса и Энгельса, которую Рязанов рассматривал на широком историческом фоне рабочего движения.

В фундаментальной статье «Возникновение Первого Интернационала» (ей предшествовала небольшая работа 1919 г. «Основание Первого Интернационала»), напечатанной в 1924 г. в первом томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса», Рязанов собрал частично забытые или никогда не публиковавшиеся документальные источники и свидетельства современников и на их основании воссоздал максимально полную картину событий, предшествовавших 28 сентября 1864 г., когда в Лондоне в Сент-Мартинс-холле было провозглашено создание Международного Товарищества Рабочих. Он разработал два главных тезиса: Интернационал был создан самими рабочими и для самих рабочих; Маркс, хотя и не принимал непосредственно участия в подготовке Учредительного собрания, «с первого же заседания временного Генерального Совета стал духовным вождем Товарищества»⁴⁷.

Рязанов внес вклад в исследование причин острой идейной борьбы в Интернационале между марксистским крылом и бакунистами. Этот период истории Международного Товарищества стал предметом дискуссий в 900-х годах в связи с 40-летней годовщиной со дня его основания, а также с оживлением в рабочем движении анархо-синдикалистских тенденций. Анархистские историки (М. Неттлау, Дж. Гильом), а в той или иной мере за ними шли и немецкие социал-демократы Э. Бернштейн и Ф. Меринг, изображали принципиальную борьбу Маркса и Энгельса с раскольнической деятельностью бакунистов как столкновение либо идей централизма и автономии в рабочем движении, либо «пангерманизма» Маркса с «панславизмом» Бакунина. Рязанов показал на документальной основе картину взаимоотношений Маркса и Бакунина в революции 1848 г. и в период деятельности I Интернационала. Столкновение Маркса и Бакунина было прежде всего столкновением массового международного рабочего движения, адекватной организационной формой которого в это время был I Интернационал, с попытками Бакунина втиснуть это новое движение «в узкое одеяние конспиративной тайной кружковщины»⁴⁸.

Для Рязанова эта полемика была также поводом к защите этических принципов марксизма. В одной из первых своих работ «Две правды. Народничество и марксизм» он писал, что ничто не может быть нравственнее деятельности, «направленной на уничтожение самой основы всего безнравственного,— господства одного человека над другим»⁴⁹. Позднее Рязанов подчеркивал, что борьба между Бакуниным и Марксом, помимо прочего, была борьбой «двух этических принципов. Только благодаря победе этики Маркса над этикой Бакунина сделалось раз навсегда невозможным, чтобы рабочее движение... и массы... использовались «только, как средство», даже революционерами, действующими из самых чистых побуждений»⁵⁰.

Острая идейная борьба шла в международной социал-демократии, расколотой в годы первой мировой войны на два враждебных лагеря, вокруг позиции Маркса и Энгельса в Интернационале во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Рязанов на основе анализа документов Генерального совета и писем отверг все попытки обвинить Маркса и Энгельса в пангерманизме, показал, что они считали виновниками войны

⁴⁷ Коммунистический Интернационал, 1919, № 6, с. 838.

⁴⁸ Рязанов Д. Очерки по истории марксизма, с. 202.

⁴⁹ Там же, с. 465.

⁵⁰ Там же, с. 202—203.

в равной степени и бонапартистское правительство Франции, и правительство Бисмарка, выступали в защиту Французской республики, против аннексии Эльзаса и Лотарингии и занимали подлинно интернационалистскую позицию⁵¹. Отношению рабочего класса к проблемам войны и мира была посвящена и работа Рязанова об Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих, написанном Марксом в 1864 г.⁵²

Анализ статей периода революции 1848—1849 гг. и времен Крымской войны, работы Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» подвели Рязанова к изучению их взглядов на внешнюю политику вообще и роль царской России во внешнеполитических делах Европы и судьбах европейской революции в особенности. Самой крупной его работой в этой области была брошюра «Англо-русские отношения в оценке Маркса»⁵³, вероятно, одно из наиболее спорных, но и наиболее ярких его произведений. До сих пор эта работа Рязанова остается в отечественной историографии единственной попыткой комплексного анализа «Разоблачений дипломатической истории XVIII века» Маркса, которые лишь в самое последнее время стали доступны советскому читателю⁵⁴.

В статье «Карл Маркс и русские люди сороковых годов»⁵⁵ Рязанов начал разрабатывать фундаментальную тему «Маркс, Энгельс и русское революционное движение». Широким фронтом эти исследования были развернуты в Институте в 20-х годах. В «Архиве К. Маркса и Ф. Энгельса» и «Летописях марксизма» были впервые введены в научный оборот наброски писем Маркса В. Засулич, конспект Маркса книги М. Бакунина «Государственность и анархия», письма Маркса и Энгельса П. Лаврову, письма Г. Лопатина Энгельсу, Н. Флеровского Марксу и многие другие материалы. Акцент в значительной мере был перенесен с проблем внешней политики и роли царской России в судьбах Европы на взаимоотношения Маркса и Энгельса с русскими революционерами и прогрессивными деятелями, в частности Маркса и Герцена⁵⁶, Маркса и Чернышевского⁵⁷. Тема «Маркс, Энгельс и русские революционеры-народники» теснейшим образом смыкалась с вопросами изучения ими социально-экономического развития России и распространения марксизма в этой стране. Институт в 20-х годах опубликовал 25-томное собрание сочинений Г. В. Плеханова.

Разумеется, в исследованиях и публикациях Рязанова было и немало ошибок. Так, Рязанов ошибочно рассматривал «Экономическо-философские рукописи 1844 года», которые он частично опубликовал в третьем томе «Архива К. Маркса и Ф. Энгельса», не как самостоятельное произведение, а как подготовительные материалы к «Святому се-

⁵¹ См. Буквоед. [Д. В. Рязанов]. Маркс и Энгельс как шовинисты (новое открытие Ю. Гарденина).— Наше слово, 23, 24, 28, 30, 31 марта; 11, 14 апреля; 19—21 мая 1915 г.; Rjasanoff N. Marx und Engels über den Deutsch-Französischen Krieg (Der Kampf 1915, Achter Band, S. 129—139); Rjasanoff N. Zur Stellungnahme von Marx und Engels während des Deutsch-Französischen Krieges. (Die Neue Zeit, 1915, Bd. II, S. 161—171).

⁵² Rjasanoff N. Die auswärtige Politik der alten Internationale und ihre Stellungnahme zum Krieg (Die Neue Zeit, 1915, Bd. II, SS. 329—334, 360—369, 438—443, 463—469, 509—519).

⁵³ Rjasanoff N. Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft RuPlands in Europa. (Die Neue Zeit, Bd. I, 1908—1909. Ergänzungshefte, № 5. Ausgegeben am 5. März 1909). На русском языке выходила под приведенным в тексте названием.

⁵⁴ Эта работа Маркса на русском языке впервые полностью опубликована в журнале «Вопросы истории» в первых четырех номерах за 1989 год.

⁵⁵ Rjasanoff N. Marx und seine russischen Bekannten in den vierzigigen Jahren. (Die Neue Zeit, Bd. I, 1912—1913, S. 715—721, 757—766).

⁵⁶ См. Рязанов Д. Очерки по истории марксизма. Т. 2, с. 5—20.

⁵⁷ См. Летописи марксизма, 1928, № 7—8, с. 46—53; см. также ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, л. 83, л. 35—41.

мейству». В работе «Карл Маркс и русские люди сороковых годов» он ошибочно среди русских знакомых Маркса назвал Якова Толстого вместо Григория. На отдельных его суждениях лежит печать известной ортодоксальности, отражавшей дух тогдашнего сурового времени. Рязанов мог полностью подписаться под словами Ленина о том, что он не может выносить никакой хулы на Маркса и Энгельса спокойно⁵⁸. Это иногда мешало ему критически взглянуть на позицию основоположников научного социализма.

Портрет Рязанова-ученого будет неполным, если не упомянуть, хотя бы вскользь, о его гражданской позиции. Он считал своим партийным долгом открыто защищать свою точку зрения по самым различным вопросам партийного и советского строительства. Он выступал за укрепление рядов партии рабочими крупных предприятий, за строгое соблюдение внутривнутрипартийной демократии, постоянную информацию и политическое просвещение рабочих масс, против бюрократизации партийного аппарата. В практической работе и научных дискуссиях 20-х годов Рязанов отстаивал и защищал гуманистические черты учения Маркса и Энгельса. Страстно боролся Рязанов с невежеством, бескультурьем, клеймил «презрительное отношение» к интеллигентному, умственному труду, требовал воспитывать уважение к учительскому корпусу.

Решительное противодействие вызывало у Рязанова нигилистическое отношение к духовному наследию русского народа, его языку и литературе. «Мы будем,— подчеркивал он,— всегда благодарны русскому дворянству в лице его лучших революционных представителей, русской революционной буржуазии в лице ее лучших представителей за то, что они выработали великий русский язык. Нам нужны хорошие издания наших классиков, чтобы рабочий класс мог усвоить себе это великое наследие»⁵⁹. Рязанов защищал А. К. Воронского против «напостовцев», которые, по его выражению, прибегают к «вгонянию в рай дубинкой» и «предпочитают накомжные приемы воздействия»⁶⁰. Он предостерегал от опасности прямой поддержки партийными и государственными органами отдельных авторов и книг. «Партийная марка,— подчеркивалось в его выступлении на совещании в ЦК по вопросам литературы,— создаст условия, при которых бесталанные люди, но люди весьма практические, внесут полное извращение в ту литературу, которая развивается и растет»⁶¹.

Авторитет Рязанова как ученого был непререкаем и в стране, и среди прогрессивных ученых за границей. В 20-е годы, в пору становления общественных наук, Рязанов сыграл заметную роль в их идейном и организационном укреплении.

Его деятельность и работы руководимого им Института дали резкий прирост знаний. Исследования Института послужили основанием для ЦК ВКП(б) в решении от июня 1929 г. отметить необходимость расширить рамки исследовательских задач, стоящих перед институтом, и обеспечить его дальнейшее развитие «в мировую научную лабораторию по истории классовой борьбы пролетариата и истории научного социализма»⁶². В 1929 г. Рязанов избирается действительным членом Академии наук СССР.

В марте 1930 г. практически вся советская центральная печать отметила статьями 60-летний юбилей ученого, был выпущен специальный сборник. Рязанов получил приветствия от ЦК ВКП(б), СНК СССР, научных учреждений, ученых, рабочих и т. д. От имени Коминтерна Клара

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 378.

⁵⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 83, л. 45.

⁶⁰ Там же, л. 43.

⁶¹ Там же, л. 44.

⁶² Летописи марксизма, 1930, № 1(11), с. 269.

Цеткин писала: «На цоколе великолепного памятника созидательной научной работы советского государства неизгладимыми чертами вырезано имя «Рязанов»⁶³. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени⁶⁴. ЦИК СССР принял постановление об учреждении премии имени Рязанова с целью поощрения научных исследований по истории развития марксизма и разработке научных биографий К. Маркса и Ф. Энгельса. Но премии этой не суждено было быть присужденной.

Тучи над Рязановым сгущались давно. Недовольство верхнего эшелона власти, и прежде всего Сталина, не могло не вызвать то, что Рязанов критиковал методы индустриализации и коллективизации, выявляя просчеты, допущенные при составлении пятилетнего плана, отрицательно относился к репрессиям⁶⁵, высказывал собственное мнение по всем вопросам текущей политики на всех уровнях. 9 декабря 1930 г. в беседе со слушателями Института красной профессуры Сталин поставил задачу «развернуть всю критику. Бить — главная проблема. Бить по всем направлениям и там где не били»⁶⁶. Такова была общая установка вождя. Ставя задачу всеобщего избиения, Сталин не обошел вниманием Рязанова. «Готовьтесь к боям,— еще раз подчеркнул он.— Не забудьте Рязанова. Вообще Институт Маркса и Энгельса у нас на отлете».

Но первые раскаты грома прогремели еще раньше в самом Институте. Готовя марксоведов, Рязанов поощрял малейшее стремление к исследовательской работе, но не прощал недобросовестности и непрофессионализма. Об этом он сказал на VIII съезде комсомола⁶⁷. Здесь он был беспощаден, здесь перед ним все были равны — и те, кто имел имя⁶⁸, и те, кто только-только переступал порог храма науки. Один из таких конфликтов возник у него в конце 20-х годов с частью выпускников Института красной профессуры, которые в соответствии с постановлением ЦК РКП(б) от 1 июня 1929 г. направлялись на стажировку и работу в Институт⁶⁹. Причину конфликта Рязанов объяснял тем, что молодые ученые испугались кропотливой работы, между тем как «для научной работы нет дофинских дорог»⁷⁰. Оппоненты же обвиняли его в недооценке ленинизма. В частности, Б. Базилевский приписывал Рязанову утверждение о том, что «ленинизм ничего нового не дает для развития марксистского учения»⁷¹. Это было серьезное политическое обвинение, выдвинутое в полном соответствии с указанием Сталина.

В ответ на нападки Рязанов пишет 15 января письмо в редакцию «Правды»: «И если действительно ленинизм есть новая, **высшая ступень марксизма**, если марксизм действительно... снят ленинизмом, как «гегелизм» и «фейербахианизм» **сняты** марксизмом, то — при условии, что наши младо-философы действительно понимают смысл тех слов, которые они употребляют,— необходимо, чтобы новый партсъезд ликвидировал не только мой «меньшевистский» взгляд на ленинизм, но немедленно изъял из обращения книгу Сталина «О Ленине и ленинизме»⁷². «Взгляды Ленина,— продолжает Рязанов,— на диалектический метод

⁶³ На боевом посту. Сборник к шестидесятилетию Д. Б. Рязанова. М., 1930, с. 23.

⁶⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 157, л. 27.

⁶⁵ Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929 года. Стенограф. отчет. М., 1962, с. 214—222; ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 76, л. 79.

⁶⁶ Запись сделана М. Б. Митиным со следующей пометкой: «Составлено на основе моих записей в блокноте во время беседы».

⁶⁷ См. VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ 5—16 мая 1928 года. Стенограф. отчет. М., 1928, с. 156—157.

⁶⁸ См., например, уничтожающую критику книг А. Вышинского в Летописях марксизма, 1926, № 1, с. 112—113, аргументированный разбор профессиональной несостоятельности В. Полонского как публикатора документов (Там же, 1928, № 7—8, с. 135—156) и др.

⁶⁹ См. Летописи марксизма, 1930, № 1(11), с. 269—270.

⁷⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 374, оп. 1, д. 4, л. 34.

⁷¹ Правда, 15 января 1931 г.

⁷² ЦПА ИМЛ, ф. 301, оп. 1, д. 90, л. 66—67.

от 1894 г. до 1914 гг. подверглись значительным изменениям. ...Только после знакомства с перепиской Маркса и Энгельса Ленин приступил к новому, более глубокому изучению материалистической диалектики... Он пришел к результатам, которые дали ему возможность, в отличие от Плеханова, уточнить и усовершенствовать понимание *марксовской* диалектики... Эти результаты использованы им в его прекрасной статье о Марксе... поэтому не может быть никакой речи о **ленинизме** как о **новом, высшем** методе научного исследования по сравнению с *методом* марксизма... Можно говорить лишь о диалектическом методе Маркса, Энгельса и Ленина»⁷³.

Считая, что в этом столкновении выдвинут один из важных теоретических вопросов, Рязанов предложил провести дискуссию о ленинизме «по инициативе и по выбору Культпропа ЦК». Он хотел выступить с докладом, в котором намеревался «защищать эти взгляды»⁷⁴. Однако время дискуссий прошло⁷⁵. 16 февраля 1931 г. Рязанов был арестован, исключен из партии, снят с поста директора Института и затем отправлен в административную ссылку⁷⁶. В качестве предлога были использованы показания ряда подсудимых по процессу «меньшевистского центра» (Рубина, Шера), работавших в Институте⁷⁷. Расправа с Рязановым, за которой следил Сталин (ему были доложены все материалы следствия, касающиеся Рязанова), была лишь одним из первых грозных сигналов тотального сталинского наступления на науку.

Прошло более 50 лет со дня гибели Рязанова — время, достаточное для оценки вклада ученого в развитие науки. Он выдержал это испытание временем. Его исследования не потеряли своего значения, несмотря на большое число обобщающих и частных работ в области марксологии, появившихся в 30—80-е годы. Продолжает расширяться и пополняться сокровищница рукописного и литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса, ядром которой остается собранная Рязановым коллекция. Разработанные им принципы научного издания сочинений классиков марксизма, стиль научной работы с документами даже в самые трудные для общественных наук 30—40-е годы продолжали оказывать значительное влияние на развитие исследований в области марксологии и на издательскую культуру.

Интерес к творческому наследию Рязанова никогда не пропадал ни у нас в стране, ни за рубежом, особенно он возрос в последнее время. ИМЛ при ЦК КПСС намеревается в 1990 г. к 120-летней годовщине со дня рождения Д. Б. Рязанова выпустить двухтомник его избранных трудов.

⁷³ Там же, л. 68—70.

⁷⁴ Там же, л. 70.

⁷⁵ Ответ «Правды» (не датировано) и второе письмо Рязанова в редакцию от 2 февраля 1931 г. остались неопубликованными (ЦПА ИМЛ, ф. 374, оп. 1, д. 21, л. 30—55).

⁷⁶ Шесть лет Рязанов проработал в Саратове консультантом при библиотеке Саратовского университета. 23 июня 1937 г. был арестован по доносу и обвинен в связях с мифической правооппортунистической троцкистской организацией. 21 января 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР Рязанов был приговорен к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение. Старый революционер, коммунист, большевик, он ни в 1931 г., ни на предварительном следствии, ни на суде в 1938 г. не признал себя виновным. Реабилитирован в 1958 г.

⁷⁷ См. Процесс контрреволюционной организации меньшевиков (1 марта—9 марта 1931 г.). Стенограмма судебного процесса. Обвинительное заключение и приговор. М., 1931, с. 143—149; D a n Th. Lettres, Amsterdam, 1987, p. 421.